

САША ФИЛИПЕНКО

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОСТРОГ

 роман

Самое время!

Саша Филипенко

Возвращение в Острог

«WebKniga»

2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6

Филипенко С. А.

Возвращение в Острог / С. А. Филипенко — «WebKniga»,
2020 — (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-1939-0

В своём предыдущем романе («Красный Крест», 2017) Саша Филипенко широко использовал реальные исторические документы. В его новом произведении сама изображённая реальность претендует на роль документа эпохи. Для самых недоверчивых: тут нет ничего придуманного. Есть городок, где градообразующее предприятие – тюрьма. Есть детский дом, в судьбах обитателей которого мелькнул проблеск счастья. Ситуации, герои, диалоги и даже способы полицейских пыток – всё взято из жизни. И проклятый вопрос о цене добра, которое почему-то оборачивается злом, тоже поставлен жизнью. Точнее – смертью. «Саша Филипенко относится к тем молодым авторам, которые сразу стали серьёзными писателями. Хотите узнать, о чём думает современная молодая Россия, читайте Филипенко» (Светлана Алексиевич).

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-9691-1939-0

© Филипенко С. А., 2020
© WebKniga, 2020

Содержание

Пролог	6
Песнь первая	7
Песнь вторая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Саша Филипенко

Возвращение в Острог

Художественное электронное издание

Художник
Валерий Калныныш

© Филипенко А. А., 2020

© «Время», 2020

* * *

Маше и Ромке

Пролог

Начнём с чистого листа. Еле-еле, будто Сизиф, минутная стрелка взбирается к двенадцати. В маленькой карельской деревушке, где заканчивается осень и эта история, с самого утра идёт снег. Плюс-минус один, температура водит нулевой хоровод, и небо выплёскивает рассвет.

На краю большого озера стоит дом. Коричневый и двухэтажный. В нём, сидя за расшатанным столом, мужчина смотрит на бумагу, но за карандаш не берётся. Несмотря на то что страну заполнили литературные мастерские, несмотря на то даже, что любой уважающий себя писатель теперь ведёт курсы креативного письма, вырванная из тетради страница остаётся пустой – Александр не знает, что написать.

В доме тихо. Едва слышно под ногами пожилой женщины поскрипывает пол. Обернувшись, Александр видит теперь, как его мать поливает цветы, переходя от горшка к горшку, а отец собирает пазл. Сидя на ковре, высыпав на лист ватмана фрагменты двухтысячной головоломки, старик сортирует кусочки по цветам и первым делом отбирает белый.

Утро медленное и сырое. Так бы и провести его в тишине, но Александр встаёт вдруг и, не сказав ни слова матери, мимоходом поцеловав лишь отца, выходит в сени. Натянув неуместные здесь туфли, он толкает дверь и оказывается на крыльце. Закурив, через запотевшее окно сын бросает взгляд на родителей и, съёжившись, казалось бы, собирается вернуться в дом, но уже спустя мгновение, затушив напоминающий крохотный саксофон окурок, идёт совсем в другом направлении. Александр шагает к озеру, где несколькими минутами позже в небо отскакивает оглушительное эхо выстрела...

Песнь первая

Ковыряясь в ухе ватной палочкой, участковый смотрит на клетку с попугаем и печалится. Мужчина думает теперь, что птица эта чрезвычайно ярка. Всё в этой комнате – и выгоревший флаг, и потускневший герб, и даже недавно заново перекрашенные в бледно-коричневые тона стены – не соответствует её насыщенному оперению. Попугай до того яркий, что клетку с ним хочется немедленно перенести в другой кабинет.

Участковый грустит. Полицейский знает, что наступают тяжёлые времена. В этих краях зима не склонна флиртовать – климат здесь резкий, как люди. Разглядывая попугая, мужчина понимает теперь, что вот-вот затрещат холода. Уже через несколько дней, думает он, обледенеют провода и дорожки превратятся в каток. Как и в любой другой год, начнутся перебои с электричеством, и какой-нибудь пьяный мудака непременно уснёт в сугробе. Обсасывая его нелепую смерть, родственники будут требовать тщательного расследования, и никто здесь даже не порадует за счастливого скота, чья бессмысленная жизнь наконец закончилась. Так думает участковый, и всё это время напротив него сидит Петя Павлов. Не смея прерывать размышления полицейского, парень смотрит в окно и ждёт, когда у неба закончится снег.

– Слушай, Петак, – внезапно, возвратившись к самому себе из долгого путешествия, спрашивает капитан, – вот ты же у нас разбираешься в птицах, да? Этот попугай у меня уже неделю тут торчит, можно мне его начать выпускать по кабинету?

– Рано. Сперва птица должна запомнить, что клетка – её дом.

– Хорошо, а если я его потом просто выпущу на улицу, он вернётся?

– Вряд ли. Скорее всего, замёрзнет или птицы заклюют.

– Понятно... Знаешь, жаль мне его. Такой он беспомощный здесь, лазает весь день с жёрдочки на жёрдочку, клювом за прутья цепляется, а как по мне, так лучше бы его сразу прибить. Вот зуб тебе даю, если бы не подарок дочери – придушил бы! Шею свернул бы да и выкинул во двор собакам!

– Собакам птичьи кости нельзя – не переварят.

– Тоже верно...

Согласившись с Петром, участковый вновь погружается в размышления. Так они и сидят ещё минут двадцать, пока участковый не засыпает. Поняв, что лучше зайти в другой раз, парень аккуратно встаёт, однако нечаянно задевает и роняет стул. Хлопок будит участкового, и, потерев глаза, мужчина вспоминает теперь, что Павлов, вероятно, пришёл не просто так:

– Слушай, Петь, а ты чего припёрся-то?

– Хочу написать заявление.

– Это-то я понял, не дурак, а случилось-то что?

– Я шёл мимо «Бастилии», а мужики какие-то неместные курили в неподобающем месте.

– И?

– И я подошёл, чтобы сделать им замечание...

– Так...

– И они обматерили меня.

– Как обматерили?

– Я не хочу повторять.

– А что же я им предъявлю?

– Грубость!

– Грубость? Господи, Петак, ты специально припёрся сюда, чтобы написать заявление на мужиков, которые тебя послали подальше? Сунул бы им в табло, и дело с концом!

– Если все будут друг друга бить – что же из этого получится?

– Мир получится, Петя, мир! Только если дерёшься за свои убеждения – можно прекратить войну! Люди, Петь, потому так безответственно себя ведут, что чувствуют свою безнаказанность. Если б ты им сразу по швам надавал – поверь мне, сразу бы свернулись!

– Но так же нельзя! Есть же закон!

– Ох, Петька-Петька... – участковый тяжело вздыхает и, встав из-за стола, открывает форточку. Потерев переносицу, он закуривает самокрутку и, сплюнув попавший на кончик языка табак, с усталостью говорит: – Понарожают вот таких, как ты, Петь, а нам потом разгребай. С самого детства людям вроде тебя следует объяснять, что мир этот – говно! Ничего здесь уже не изменить! Вот ты посмотри вокруг – ты что здесь хочешь перестроить? Горизонт? Облака? Как-то живём – и то хорошо! Не мужиков этих нужно воспитывать, а тебя!

– Но я же прав!

– Ну локально, может быть, и прав, Петя, а глобально нет!

– Значит, не будете принимать заявление?

– Не-а.

– Ясно, хорошего вам тогда дня!

– И тебе, Петюня, не хворать!

Натянув шапку, Петя выходит на улицу. Если приглядеться, несложно заметить, что всё в этом неуклюжем человеке имеет некоторый перебор. Губы его чуть больше, чем нужно, уши кажутся слишком оттопыренными. Если вы попытаетесь нарисовать точный портрет Пети Павлова, вас либо сочтут гением, либо поставят двойку за неумение соблюдать элементарные человеческие пропорции.

Снег усиливается и встаёт стеной. Парень смотрит теперь на расставленный по горизонту городок. Угрюмыми декорациями открываются Пете асимметричные деревянные дома частного сектора и гротескно выпячивающие себя панельки, где сосед соседу и сокамерник, и надзиратель. Справа лес, слева кладбище и железнодорожный перегон. Несколько раз в день, встав здесь, грузовые поезда перегораживают единственный въезд в мир мёртвых.

Подойдя к старенькому «Москвичу», Петя подпирает коленом дверцу и лишь с третьей попытки открывает машину. Когда загорается скупая гирлянда приборной панели, парень понимает, что желудок автомобиля пуст и надо бы заправиться.

«Москвич» этот куплен не просто так. Здесь, в Остроге, с общественным транспортом беда. Усилиями мэра плодятся частные маршрутки, однако большинству жителей они не по карману. Наслушавшись жалоб острогчан, Петя решает сделать бесплатное такси и три раза в неделю, аккуратно после работы, собирает горожан, чтобы развезти их по нужным адресам. Водителей маршруток такие фокусы, конечно, злят, и время от времени они поколачивают Петю, но он не особенно злится.

«Хорошие люди, беспокоятся о своих семьях», – думает он.

Уже заправившись, Петя трогается с места, но, услышав хлопок, понимает, что в очередной раз из-за забывчивости своей вырвал шланг. Подобное с ним уже случалось. Достав из кошелька последние деньги, парень покорно шагает к кассе. Петя готовится, что, как и в прошлый раз, на него будут кричать, однако, опустив глаза и протянув купюру, к собственному удивлению, слышит вдруг добрые интонации:

– Ладно, Петька, у тебя это только второй. Ты себя не вини! У меня тут один коммунальщик уже четыре раза со шлангом уезжал. Ну вот ты скажи мне, как такому человеку каналлизацию доверять?

Заезжая во двор, Петя улыбается и думает теперь, что нужно бы как-нибудь вымыть в благодарность бензоколонку. Впрочем, дело это может и подождать, а вот то, с чем откладывать нельзя, – так это плакат.

Пройдя в кухню, Петя открывает холодильник. Все полки пусты. Он собирался заехать в магазин, однако из-за грубости, что обрушилась на него днём, обо всём позабыл. В надежде перекусить хоть чем-нибудь он роется в ящиках и на подоконнике, однако не находит ничего, закончились даже крупы и китайская лапша.

Накинув куртку, Павлов вновь выходит на улицу и направляется в магазин. Тучи рассеиваются, а пернатые скрываются в темноте. Птиц заменяют созвездия Ориона и Возничего, и звёзды светят теперь так ярко, что Пете становится радостно на душе.

Войдя в магазин, он очень хочет поделиться этим хорошим настроением, а потому, стягивая шапку, со всей добротой в голосе говорит:

– Добрый вечер!

Женщина не поднимает головы и продолжает читать неведомо как оказавшийся в её руках журнал «Яхты и катера».

– Добрый вечер! – ещё раз повторяет Петя.

– Павлов, ты чего орёшь?! Я закрываюсь через минуту – если тебе что-то нужно, выбирай скорей!

– Я не ору, я здороваюсь!

– Я тебе говорю, что через минуту закрываюсь! Тебе что-то надо?!

– Для начала, тётя Галя, я бы хотел, чтобы вы со мной поздоровались!

– А с чего ты взял, что я обязана с тобой здороваться? Это где-то, что ли, написано? Ты мне за это платишь? Ну давай мне десятку за «здрасьте!». Ты за продуктами пришёл – вот и покупай! А если тебя кто-то обидел, Петечка, то ты на мне свою злость не вымещай!

– Да при чём тут злость? Никто меня не обидел! Я просто хочу, чтобы вы со мной поздоровались, а потом я бы вам про звёзды рассказал!

– А если я этого не хочу?

– Что значит – не хочу? Как это – не хочу? Это же элементарные правила приличия!

– А ты у нас весь такой приличный, да? А разве прилично других людей поучать? Ты вообще представляешь, сколько мне тут приходится людей каждый день обслуживать?! Мне что, со всеми здороваться?

– Если вам, тётя Галя, не нравится ваша работа – увольняйтесь! Я не требую от вас ничего сверхъестественного, но можно же хотя бы поздороваться с человеком, который пришёл к вам за покупками?!

– Слушай, Петя, ты меня уже достал! Хочешь покупать продукты – покупай! Не хочешь – проваливай отсюда!

– Хорошо, дайте мне, пожалуйста, книгу жалоб!

– Чего?!

– Книгу жалоб!

– Да у нас её отродясь не было! Ты первый человек, которому здесь что-то не понравилось!

– Хорошо, тогда дайте мне, пожалуйста, четыре пачки макарон, пачку сушек и вон ту тетрадь в клетку.

– А тетрадь-то тебе зачем?

– Сделаю вам книгу жалоб!

Тётя Галя манерно медленно выкладывает на прилавок заказ. Купив не только тетрадь, но и шариковую ручку, Петя выводит на зелёной обложке четыре красных слова: «Книга жалоб и предложений». Открыв первую страницу, на глазах изумлённой продавщицы Петя оставляет внушительный отзыв. Клиент требует уважения и соблюдения элементарных правил приличия. Дописав, Петя отдаёт продавщице тетрадь и, переложив продукты в сетку, выходит вон. Убедившись, что Павлов ушёл на безопасное расстояние, тётя Галя вырывает первую страницу,

но саму тетрадь не убирает. Продавщице кажется теперь, что «Книга жалоб и предложений» придаст её магазину ещё больше статусности.

Когда ужин приготовлен и съеден, Петя переходит к делу. Прижав лист ватмана четырьмя книгами: «451 градус по Фаренгейту», «Над кукушкиным гнездом», «1984» и «Незнайка в Солнечном городе», парень берёт в руки кисточку и, намочив её в воде, аккуратно пишет придуманный ещё утром лозунг:

«Завод – смерть дятлу!»

Песнь вторая

Отсидев в Острожской зоне семь лет, человек-комбинация Аркадий Кичман в шутку берёт себе эту фамилию, однако городок в поисках новой жизни не покидает. Напротив, долгие годы разглядывая зарешёченную степь, мужчина однажды решает, что весь этот край, весь до самого горизонта будет принадлежать только ему. Так и случается. Решив поэкспериментировать, бывший зэк засаживает гектары бесхозных полей хлопком, и, пока острогчане утверждают, что ничего путного из этого не выйдет (как-никак район рискованного земледелия), Кичман получает хлопок четвёртой категории, и дела его резко идут в гору. Собственно, дела идут до того хорошо, что Аркаша открывает завод по производству предметов гигиены и со временем приобретает едва ли не всю недвижимость Острога. Однажды, сам того не замечая, Кичман становится мэром провинциального городка, сперва серым, а со временем и вполне себе легитимным. Острогчане Кичмана любят, и теперь, когда на месте мёртвого леса он собирается возвести ещё один завод, все очень рады, и только Петя – нет.

Старые трухлявые деревья служат приютом многим птицам. Дятлы выдалбливают в них дупла, помогая обустроиться синицам, лазоревкам и сычам. Прекрасно понимая, что фабрика нанесёт природе непоправимый урон, Павлов собирает на заводе митинг и пытается объяснить рабочим, что начинать строительство на месте старого леса ни в коем случае нельзя. К собственному удивлению, Петя замечает вдруг, что судьба птиц никого не волнует.

– Слушай, Петь, ты чего? У нас тут люди десятилетиями с трудом выживают! Зэки, откинувшись, годами без работы сидят! Сам же знаешь, что таким, как ты вот, детдомовцам, совсем некуда работать идти. В кои-то веки за территорией зоны появляются новые рабочие места, а ты предлагаешь о мёртвом лесе подумать?!

- Неужели вы забыли, что здесь заканчивается линия гнездования трёхпалого дятла?!
- Кого?
- Трёхпалого дятла! Это же очень редкий вид!
- Это ты у нас, Петя, редкий вид! Иди-ка ты лучше работай!

Прознав, что утром в субботу Кичман приедет осматривать сухостой, Петя с вечера рисует плакат и, едва рассветает, устраивает на месте предполагаемой застройки то, что в столице принято называть одиночным пикетом.

Заметив парня, мэр ничего не говорит. Бывший зэк Кичман не любит тратить время на лишние слова. Аркаша предпочитает действовать, а не говорить. Человек поступка, в начале разговора он никогда не здоровается, а в конце не прощается. Градоначальник изъясняется преимущественно глаголами и обыкновенно повелительного наклонения. Слова из него либо выпадают (если собеседник Кичмана не интересуется), либо лупят хлёстко, словно плетью. Людей Аркаша делит всего на две категории: полезные и нет.

- Покажи! – приказывает мэр.

Взяв в руки лист ватмана, Кичман тотчас разжимает пальцы, и бумага падает на снег. Петино творчество градоначальнику неинтересно. Сухостой давно принадлежит ему, архитекторы уже закончили проект, и в эти самые минуты прорабы рассаживают рабов-строителей по автобусам. Маркиз Карабас уходит осматривать собственные земли и на прощанье бросает парню всего одно слово:

- Свали!

Проводив мэра и его помощников взглядом, Петя понимает вдруг, что блицкрига не будет. Кичмана просто так не одолеть. Разглядывая внушительную группу советников, Петя осознаёт, что стройку удастся заморозить только в том случае, если весь Острог восстанет.

Подняв с земли плакат, Петя отправляется в экспедицию по соседям. Ускоряя шаг в сторону «Москвича», он понимает, что буксовать ни в коем случае нельзя.

«Как же хорошо, что сегодня суббота, – думает он, – как это славно, потому что прямо сейчас я смогу со многими поговорить!»

– Алло, Михаил? Здравствуйте! Да, да, это Петька, да, Павлов! Да! Не отвлекаю? Михаил, послушайте, вы ведь уже слышали, что мэр собирается построить завод? Слышали, да? Ну так вот, я звоню вам сказать, что делать этого ни в коем случае нельзя! Что? Плохо слышно меня? Что? Почему нельзя? Да потому! Потому, Михаил! Вы поймите, в природе каждый элемент, и жизнь, и смерть имеют значение! Алло! Алло, вы пропадаете! Меня слышно? Я говорю, что каждый элемент, и жизнь, и смерть имеют значение! Нельзя лишать лес возможности умереть так, как ему должно, слышите?! Лес должен засохнуть, начать трухлявиться и стать едой разным насекомым. Что? Чего так плохо слышно? Да я тут на дороге стою, в чистом поле, от сухостоя еду! Михаил, я говорю вам, что лес должен распасться и раствориться, понимаете? Мы не имеем права вмешиваться в природный цикл, иначе быть несчастью! Замкнутость, самодостаточность и самовозобновляемость – вот что важно для леса! Михаил, вы поймите, смерть леса должна происходить естественно! Вы меня слышите? Естественно! Лучше срубить живое дерево! Что? Да-да, я не путаю, живое! Да, именно живое! Живое дерево и плотнее, и сочнее, а значит, много насекомых в нём жить не может. Мёртвое же дерево богаче на жизнь! Понимаете? Вы сейчас услышали меня? Это очень важно, Михаил! Очень важно! Мёртвое дерево даёт нам такую жизнь, которую ни одно живое дерево нам никогда не даст! Алло! Алло! Что? Что вы говорите? Как нахер?..

Повернув ключ зажигания, Петя даёт старой машине поворчать и спустя несколько секунд трогается в сторону городка. Так начинается его противостояние Острогу. Один бывший детдомовец против нескольких тысяч жителей. Ради спасения леса всех их предстоит переубедить.

Уже следующим утром Павлов начинает не только ходить по домам, но и писать открытые письма. Несколько в областную газету, два в столицу. Петины тексты, конечно, никто не публикует и даже не читает, однако он и не думает сдаваться. Выбрав несколько заброшенных бетонных стен, большими чёрными буквами Петя повторяет собственную мысль: «Завод – смерть дятлу!». Когда надписи начинают бросаться в глаза (а в маленьком городке это не так уж и сложно), участковый вспоминает, что собирался поговорить с городским сумасшедшим.

– Слушай, Петак, вот для чего ты всю эту бучу поднимаешь, а? Уже который день весь город кипятишь! Ты же вроде умный парень, всё должен хорошо понимать. Ну что же ты Аркаше палки в колёса вставляешь, а?

– Завод строить нельзя!

– Вот ты странный! Весь такой правильный, борешься за спасение природы, а сам-то ватные палочки производишь! Разве ты не знаешь, как они засоряют мировые океаны?

– Конечно, знаю! Я тоже об этом думаю! Каждый день, когда сажусь к конвейеру, сомневаюсь! Я вам обещаю, что как только найду новую работу – сразу уйду с завода!

– Тьфу ты, Петька, да что же с тобой не так, а? Что же ты такой категоричный?! Я же шучу! Не нужно никуда уходить! Да тебя, дурака, и не возьмёт-то больше никто, кроме Аркаши! Ты бы вот лучше Кичмана взял да поблагодарил! Он-то тебе на хлеб даёт! Да и неплохо даёт! Вот ты высказался, вышел со своим плакатом, и я уверен, что Кичман тебя услышал. Он ведь очень продвинутый человек, долго сидел, много о чём думал. У меня вот нет

никаких сомнений, что фабрика будет построена с соблюдением всех экологических норм. Ну что тебе ещё нужно, а?

– Говорю же вам, дело не в нормах, дело в том, что строить завод нельзя!

– Ты просто бесишься, потому что он нравится людям, а ты нет. Признайся, Петь, тебя просто раздражает, что какой-то бывший зэк может делать людям добро? Ну признайся! Ревнуешь? Ревнуешь же, да? Так а не надо ревновать, Петь! Не надо! И не нужно на Кичмана смотреть свысока. Да, он зэк, да, он за забором кучу лет провёл, но он своё отсидел! Кичман нам всем помогает! Пока ты тут птичек спасаешь, он тёплые толчки в городе делает! Ты понимаешь, что я половину жизни, может, срать на улицу ходил! Да я, может, только в сорок лет благодаря Аркаше себя впервые человеком-то по-настоящему и почувствовал!

– Как вам мало нужно, чтобы почувствовать себя человеком...

– Может, и мало, Петя, только я знаю, каких это ему усилий стоило!

– Поймите, что если начнётся строительство, будет большая беда!

– Это какая же?

– Птица уйдёт!

– Да и чёрт с ней, с этой птицей! – не выдержав упрямства Павлова, кричит участковый и ударяет кулаком по столу. – Могут прямо сегодня все собраться и вальнуть отсюда! У меня вон птица в клетке есть – какая мне хрен разница до той, что в лесу?!

– Зря вы так... – пытается успокоить участкового Петя. – Вот вы знаете, например, что в тех регионах, где больше аистов, – выше рождаемость?

– Очень остроумно!

– А это правда! Учёные провели исследования, и оказалось, что в местах гнездования аистов средняя рождаемость выше, чем по всей стране.

– И в чём связь?

– А нет связи, но факт есть.

– Нет связи, а факт есть. Хочешь факты? Хочешь факты, Петя, да? А факты такие, что на тебя мы только бумагу тратим! Все уже устали от тебя. Ты у нас прямо человек-анекдот. Ходишь всем тут кишки наматываешь на барабан. А факт, Петя, факт, Петя, в том, что даже сейчас, когда ты тут сидишь и жалуешься мне на Кичмана, он всех наших детдомовцев собирает отправить на море.

– На какое ещё море?

– На настоящее! Пока ты убеждаешь людей бастовать, Аркаша решил сделать доброе дело и вывезти всех ребят в Грецию!

– Вы серьёзно?!

– Да!

– Но ведь делать этого ни в коем случае нельзя!

– О как! И этого делать нельзя! Я почему-то не удивлён, Петь. Тебе самому-то не смешно, а? Этого делать нельзя, и вот этого делать нельзя! Завод строить нельзя, отправлять ребят на море нельзя...

– Да конечно нельзя!

– А можно мне у тебя, умнички, поинтересоваться – почему?

– Неужели и сами вы не понимаете?

– Нет, представь себе!

– Вот взять, например, лопатня...

– Да какого к херу лопатня?!

– Ну лопатня, птица такая редкая, на Чукотке живёт...

– И?

– И он в России очень плохо размножается! Одно время птица была на грани вымирания, и тогда орнитологи решили перевезти её в Англию, в более, так сказать, благоприятные

условия. Учёным подумалось, что там, в туманном Альбионе, лопатню будет комфортнее, но ничего из этого не получилось! Мёртвые яйца, понимаете?!

– Господи, Петя, что ты несёшь?! Какое размножение?! Какие лопатни?! При чём тут это?! Так, всё, нужно и меру знать! Ты, конечно, парень хороший, но иногда мне кажется, что не дружишь с головой. Я тебя долго терпел, да что уж говорить, все мы тебя здесь долго терпели, но пора и честь знать. Ты сейчас пойдёшь домой и будешь там тихо думать над своим поведением, понял?!

– Но я хотел вам объяснить, что...

– Пошёл, сука, домой, я сказал!

И Петя забирает шапку и выходит. Полученная информация Павлова ошарашивает. Замерев посреди улицы, Петя пытается переварить услышанное: «Путешествие... к морю... беда...»

Петю поражает не только сама новость, но и глухота участкового. «Неужели не понимает он, что ни к чему хорошему это не приведёт? Как можно было пропустить мимо ушей мой пример с лопатнем?»

Шмыгнув носом, Петя прикусывает губу. Времени, как он теперь понимает, совсем мало. Похоже, борьбу за спасение леса следует на некоторое время отложить.

«Если уж Кичман взялся за ребят, значит, на море их отправят в ближайшее время... Действовать нужно быстро, уверенно и, вполне возможно, радикально...»

Так Петя и поступает. Несмотря на воспитательную беседу, Павлов не только не останавливается, но даже идёт в контратаку. Петя не сомневается, что поездка к морю непременно обернётся несчастьем, а потому отправляется напрямик к директрисе детского дома, воспитанником которого и сам когда-то был.

– Людмила Антоновна, вы должны отказаться от поездки на море!

– Добровольно отказаться от бесплатного отдыха? Петь, ты сдурел?!

Осознав, что на взрослых не повлиять, Павлов предпринимает несколько попыток переубедить детей. Уводя воспитанников детского дома к сухостою одного за другим, Петя просит ребят быть мудрыми:

– Что это у тебя за игра, Ринь?

– Angry birds называется... Смотри, дядь Петь, тут нужно запускать птиц, чтобы уничтожать свиней...

– И это интересно?

– Ещё как!

– Ясно. Слушай, я хотел с тобой поговорить...

– О чём, дядь Петь?

– О поездке в Грецию...

– А, так ты уже знаешь, да?

– Знаю...

– Правда, здорово?!

– Да оторвись ты уже от игры, Ринь!

– Эй, дядь Петь, ты чего её вырываешь?!

– Да ничего! Просто пялишься в экран, света белого не видишь!

– Ладно-ладно, психовать-то зачем?

– Незачем, ты прав. И в Грецию тебе лететь незачем!

– В смысле?

– В прямом! Не нужно тебе туда, вот и всё!

– Но все ведь едут...

– Все едут, а ты откажись! Будь первым! Ты откажешься, может, и другие твоему примеру последуют и будут молодцы!

– Это ещё почему? Даже птицы вон улетают на юга.

– Птицы улетают, потому что могут делать это каждый год...

– В смысле?

– В прямом!

Получается ещё хуже, чем со взрослыми. Дети не слушают. Петя вновь и вновь не находит нужных слов. Нет человека более глухого, чем человек счастливый. Человек, переживающий эйфорию, пьян и тугоух, человек такой, как, впрочем, и человек несчастный, не способен слышать ровным счётом ничего. Осознав это, Петя решает, что последний его шанс – Кичман.

«Я не знаю, не знаю наверняка, для чего ему нужен этот широкий жест, я не знаю, что в его голове, но я понимаю одно – лететь в нашей ситуации ни в коем случае нельзя!»

Последнее издыхание надежды. Петя так волнуется, что готов даже пойти на компромисс.

«Ладно, – думает он, – если они так хотят, пусть строят свой завод, но только ребята, только ребята пусть никуда не летят!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.